

В. Я. Мауль*

«ЕСЛИ Б Я БЫЛ СУЛТАН ...»
(Гендерный аспект пугачевского бунта)

Важнейшей компонентой современных исторических изысканий является анонсирование заглавной роли гендерного дискурса прошлого, в рамках которого с середины 1970-х годов активизируется так называемая историческая феминология. Ее предметом являются женщины в истории, изменение их социального статуса и функциональных ролей. Взамен **his-story** все чаще декларируется **her-story**. Процесс «возвращения женщин в историю», как отмечают исследователи, был стимулирован огромным количеством научных работ, конференций, учебными курсами о женском активизме и творчестве, об их личной и общественной жизни в различные исторические эпохи¹.

И хотя объект историописания за последние годы изрядно феминизировался, не секрет, что наибольшие успехи были достигнуты на западноевропейском материале². Отечественной гендерной истории и историографии, за исключением нескольких описательных работ, повезло значительно меньше³.

Необходимо восполнять этот пробел, ибо, как не без оснований подчеркивают ученые, история женщин – это история большинства человечества. Одним из таких ярких сюжетов отечественного прошлого можно считать судьбу трех жен названного «ампиратора» Пугачева/Петра III, которые и станут объектом нашего исследования.

Наличие нескольких царственных жен, поочередно менявших друг друга у подножия престола, для российской истории отнюдь не нонсенс. Практически каждый московский монарх, хотя и по разным причинам, делил любовь с несколькими спутницами жизни. Подобная, так сказать, традиция может проследиваться едва ли не от Святого Владимира, имевшего, как известно, помимо нескольких жен, по городам сотни наложниц. При этом далеко не всегда перемена супруги была естественной, оказывалась безболезненной и благопристойной с канонической точки зрения. Имена Ивана III, Василия III, Ивана IV, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича являют здесь ряд брачных эксцессов.

Однако замужество с владельцами трона едва ли можно считать исключительно удачной партией для тогдашних девиц. Положению коронованных спутниц жизни далеко не всегда можно было позавидовать. Об их нелегком предназначении и венценосной судьбе вполне определенное суждение высказал историк И. Е. Забелин: «Существо женской личности, возводимой из ничтожества на

* Мауль Владимир Яковлевич, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Нижневартковского филиала Тюменского государственного нефтегазового университета.

¹ Успенская В. И. Женская история и развитие женского коллективного сознания // Женщины. История. Общество. Вып. 1. Тверь, 1999. С. V–X.

² См., напр.: Дэвис Н. З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М., 1999.

³ См., напр.: Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. СПб., 2005; Пушкирева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; Она же. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997.

высокую степень царского сана, заключалось, по понятиям времени, в одном неизменном ее призвании, в чадородии упомянутого особого вида. Царица должна была выполнить это существенное свое призвание, для целей которого она и выбиралась с великою осмотрительностью из целой толпы красавиц. Она должна была дать наследника царю и царству. В этом заключался главный, основной смысл ее царственного положения. Никакого другого смысла в ее личности не признавали...»⁴.

На этом «благодатном» иллюстративном фоне отношения «ампиратора Петра Феодоровича» (Пугачева/Петра III) к своим женам, выглядели вполне созвучными брачным практикам многих российских царей. Присвоив монарший титул, а вместе с ним, и соответствующий взгляд на женщин (точнее совокупив его с органично присущим казачьим мировидением), Пугачев/Петр III не был оригинален. Однако он превзошел всех своих так называемых порфирородных предшественников тем, что находился в браке с тремя женами одновременно, но с каждой в разных своих ипостасях: Софья Недюжева (жена Пугачева); Екатерина II (жена Петра III); Устинья Кузнецова (жена Пугачева/Петра III). Брачный авантюризм Пугачева невольным рефреном навевает: «Если б я был султан, я б имел трех жен». Судьба каждой из них – сюжет для специальных исследований. Здесь же предлагаем лишь небольшие аналитические зарисовки.

Софья Недюжева – донская казачка, уроженка Есауловской станицы, была Пугачеву верной спутницей жизни и матерью троих детей (Трофима, Аграфены и Христины). «Венчан он со оною своею женою по церковному чиноположению ... в церкви Михаила архангела»⁵. По словам историка Н. А. Мининкова, с давних пор «жены казаков выступали нередко как боевые подруги»⁶. Так и Софья Дмитриевна делила с ним все тяготы и лишения казачьей жизни. В период его опасных странствий даже укрывала от рук правосудия.

Из показаний Пугачева: «...на третьей день пошел в дом свой и, пришед, сказал жене, чтоб она никому о нем не сказывала. И прожил в доме своем почти весь Филиппов пост скрытно. В доме же его не сыскивали, потому что не могли старшины думать, чтоб, наделав столько побегов, осмелился жить в доме своем»⁷.

Но, увы, этому брачному союзу история отмерила свой срок. Объявив себя императором, Пугачев ради принятой роли должен был отречься от богом данных жены и детей. Такой шаг для него облегчался тем обстоятельством, что «на Дону не было ничего подобного рыцарскому культу “прекрасной дамы”, а потому браки легко заключались, но легко же и расторгались»⁸.

Когда спустя время, уже во время бунта им довелось вновь встретиться (это произошло в Казани, когда пугачевцы освободили семью Пугачевых из тюрьмы), «царь-батюшка» к великому изумлению Софьи Дмитриевны заявил: «Ба! Друга моего, Пугачова, жена, у которого в бедности я жил, и он за меня пострадал», – говоря притом: «Я-де тебя, бедная, не покину»⁹.

⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992. С.129.

⁵ Емельян Пугачев на следствии. М., 1997. С.128.

⁶ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998. С. 445.

⁷ Емельян Пугачев на следствии. С. 135.

⁸ Мининков Н. А. Указ. соч. С. 445, 451.

⁹ Емельян Пугачев на следствии. С.135.

Обманул в очередной раз. Не только вторично покинул, но и обрек на новые страдания. В литературе бытует мнение, что ложь и обман от начала до конца сопутствуют всем замыслам и всем действиям Пугачева. В этом суждении имеются определенные резоны. Но едва ли его можно считать исчерпывающим. Отметим несколько актуальных для нас моментов.

В пространстве русского бунта Пугачев для простолюдинов – это Петр III. Он им таким казался, значит, для них он и был государем. Не менее важна самоидентификация повстанческого вождя с «третьим императором», которая сакрализовала все его действия. Играя «роль» Петра III, Пугачев перевоплощался и входил в его образ, на время полностью забыв о своем самозванстве. Для Софьи Недюжевой в затеянной «монархической игре» места, увы, не оставалось. Отныне ее удел – «дамы» на обочине большой истории, из скрижалей которой она оказалась фактически вычеркнутой, мимолетно успев вписать лишь несколько строк.

Итак, Пугачев – это Петр III, но у того уже есть жена – здравствующая самодержица Екатерина II. Названный император не отрекается от других своих «родственников» – Павла Петровича (между прочим – это сын от Екатерины), от Натальи Алексеевны («невестка»). В грамотах настаивает на упоминании их имен во время церковных служб.

В новой, «подлинной» ипостаси он не мог отрицать наличия царственной супруги, хотя иной раз и бросал в сердцах горькие слова: «Какая она мне жена, когда с царства сверзила!»¹⁰.

Не удивительно, что судьбу своей «законной» супруге названный Петр III уготовил вполне в духе дворцовых традиций.

Из показаний оренбургского казака Тимофея Подурова: «Самозванец, будучи в Берде, о намерении своем проговаривал сими словами: «Естьли де мне удастся взять Оренбург и Яик, то я с одною конницею пойду в Казань, а по взятии оной в Москву и в Петербург и тамо государыню постригу в монастырь»¹¹. Аналогичной, например, была судьба цариц Соломонии Сабуровой, Евдокии Лопухиной, царевны Софьи Алексеевны и др.

Как отмечает историк Х. Рэгсдейл, Пугачев «объявил себя Петром III и возвестил кампанию по утверждению своих прав и прав его “дорогого сына Павла” на русский трон». А ведь Пугачев был не единственным претендентом на это имя. По подсчетам историка О. Г. Усенко, оно пользовалось «наибольшей популярностью» и насчитывает – 23 «присвоения»¹². Самозванство словно бы служило «постоянным напоминанием о конфликте, который разделял императрицу и наследника и продолжал отравлять отношения между ними», «напоминая русскому обществу о сомнительных притязаниях Екатерины II на трон», – резюмирует Х. Рэгсдейл¹³.

Возможно, отголоски этих слухов Пугачев активно использовал для собственной апологии, убеждая соратников, что наследник Павел Петрович на их стороне. Из показаний главного атамана и походного полковника Ивана Белобородова: «Тюмин сказывал ему, что де государыня изволила оставить российской

¹⁰ Пугачевщина. Т. 2. М.; Л., 1929. С.199.

¹¹ Там же. С. 188.

¹² Усенко О. Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. (опыт системно-статистического анализа) // Россия в XVIII столетии. М., 2004. С. 314.

¹³ Ragsdale H. Tsar Paul and the Question of Madness: An Essay in History and Psychology. New York; Westport; Connecticut; London, 1988. P. 9, 15.

престол, а великий князь и дядя его, принц Жоржа (принц Георг, дядя реального Петра III. – В. М.), идут в Казань с двумя полками навстречу ему, злодею»¹⁴.

Ясно, что Екатерина II к своему названому мужу относилась со вполне понятной иронией – «маркиз Пугачев». «Супружеский», так сказать, конфликт в императорской семье, фактически продекларированный разрыв «брачных уз» создавали Пугачеву/Петру III репутацию полу вдовца, полу холостяка, и это делало его завидным женихом. Из перспективной ситуации можно было извлечь вполне конкретную выгоду, чем не преминула воспользоваться «царская свита».

Известно, что для бунтовщиков и сочувствующего простонародья идентификация названного государя зачастую зависела от позиции наиболее авторитетных для них лиц. Поэтому Пугачеву/Петру III пришлось принять навязанную ему окружением модель поведения, и согласиться с предложенными матримониальными планами. В духе житейской смекалки казаки надеялись, что, обвенчав его со «своей» невестой, казачкой, они займут место поближе к «царю-батюшке», и, тем самым, привяжут его к себе еще крепче.

Из показаний Емельяна Пугачева: «его главные способники Авчинников, Никита Каргин, Семен Коновалов, Денис Пьяной, Михайла Толкачев говорили ему, чтоб он, Емелька, женился казака Петра Михайлова сына Кузнецова на дочери девке Устинье: «она-де девка изрядная и постоянная». И он, Емелька, говорил, что ему женитца еще время не пришло. И оные сваты ему говорили ж: «Ты-де как женишься, так-де войско Яицкое все к тебе прилежно будет». И он, Емелька, без дальнего размышления, што у него уже, как и выше показал, жена Софья Дмитриева есть, так и дети, женитца и от оной живой жены (которая и взята им в Казане с сыном), согласился»¹⁵.

«Перевоплощение достигает такой силы, – заметил историк В. И. Лесин, – что образ, сотворенный на сцене жизни, отодвигает на второй план сознания реального беглого хорунжего Донского войска, начинает определять его мысли и поступки. В качестве Петра Федоровича он не считает себя связанным с неверной женой “Каткой”, которая “желала убить мужа” и скоро поддается на уговоры приближенных жениться»¹⁶.

Как отмечено в литературе, замужество всегда означало «принципиально иное качество жизни, связанной теперь с исполнением новых обязанностей ... Во время совершения таинства венчания Русская православная церковь освящала брачный союз и всю дальнейшую семейную жизнь дворянской женщины с мужем (по существу, казаки в масштабе русского бунта – это и есть пугачевское дворянство. Отсюда и правомерность сравнительного сопоставления. – В. М.), в соответствии с родовой принадлежностью и служебным положением которого определялся отныне ее официальный социальный статус»¹⁷.

Так должно было произойти и в нашем случае. Тем более, речь шла о «венценосном» браке. Дело решилось, когда в дом Кузнецовых явился сам Пугачев. Устинью вывели к нему и он, сказав: «Очень хороша!», возгласил: «Поздравляю тебя царицею!»¹⁸. Устинья стала «государевой» избранницей. 1 февраля 1774 г. их обвенчали в Петропавловской церкви Яицкого городка. Конечно, это брако-

¹⁴ Пугачевщина. Т. 2. С. 331.

¹⁵ Емельян Пугачев на следствии. С. 187.

¹⁶ Лесин В. И. Мятежная Россия. М., 2000. С. 170.

¹⁷ Белова А. В. Процедура замужества русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века // Женщины. История. Общество. Вып. 1. Тверь, 1999. С. 21, 27.

¹⁸ Емельян Пугачев на следствии. С. 293.

сочетание отличалось от помпезных венчальных церемоний сановного Петербурга. Хотя бы тем, что установленный ритуал совершился очень быстро, в ускоренном и ускоренном виде. Это сильно напоминало «военно-полевой роман», а нареченная невеста – походную жену.

Вслед за церемониальными торжествами Пугачев/Петр III велел обращаться к суженой подобающим образом. Священники должны были поминать в молебнах во здравие имена «Петра III» и членов его «фамилии», а также и имя новой «государыни». Да и сам «ампиратор» напыщенно обращался к ней в письмах: «Всеавгустейшей, державнейшей, великой государыне, императрице Устинье Петровне, любезнейшей супруге моей»¹⁹.

Не отставала и она от него, скрепляя свои письма подписью: «Царица и государыня Устинья», т.е. фактически не отказывалась от присвоенного титула. Но, вспомним, что «дееспособный индивид, который знающим его людям открыто (словесно или письменно) заявлял сам, или давал понять намеками, или убеждал их чужими устами, что он не тот, за кого его принимают, и выдавал себя за носителя иного, нежели в действительности, имени и/или статуса» – это самозванец²⁰.

Титулуясь «царицей», Устинья словно бы сигнализировала о себе как об активной участнице «игры в царя»²¹. В семантическом пространстве традиционной культуры Устинья оказывалась смеховым антиподом Екатерины II. Они как две стороны одной этикетки под названием «жена Петра III». Потому-то вся история этой брачной аферы отчетливо акцентирует гротескность и карнавальную перевернутость ситуации. Особенно пикантной она могла казаться Екатерине II, любившей всласть, с удовольствием посмеяться и обладавшей несомненным вкусом к смеху. Не свидетельствует ли о его наличии совместное пожизненное заточение двух жен Пугачева в одной крепости? Гнев оскорбленной, но торжествующей Минервы оказался сатирически страшным.

Ну а пока заочное противостояние сиятельных дам, этих двух самозванок со вступлением Устиньи в брак только начиналось. Объективно она оказывалась конкуренткой правящей императрицы. Впрочем, судя по всему, ей и в голову не приходила мысль о реальной возможности бороться с Екатериной за власть. Хотя кое-какое беспокойство в этой связи она все же высказывала, иногда задавала мужу-«императору» встревоженные вопросы о «сопернице»: «Как же ее бросить? вить и то не водится, чтоб иметь две жены!»²²

Новоявленной «императрице» надлежало подчеркивать свое высокое положение: жить в особом царском дворце, быть окруженной соответствующей «вельможной свитой». Потенциально перед ней открывались блестящие возможности, связанные с новым «статусом». Известно, что в XVIII веке женщины (тем более государыни) вели вполне светский образ жизни. Они непосредственно влияли на государственную жизнь или даже прямо ею руководили. Но Устинья, воспитанная в духе патриархальной старины, – это жена скорее традиционного типа, и этим она напоминает таких цариц, как Мария Борисовна Тверская, Соломония Сабурова, Евдокия Стрешнева, Мария Ильинична Милославская, Евдокия

¹⁹ Документы Ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. М., 1975. С. 367.

²⁰ Усенко О. Г. Кто такой самозванец? // Вестник славянских культур. 2002. № 5–6. С. 46.

²¹ См. напр.: Мауль В. Я. Пугачевская версия «игры в царя» // Историк и художник: ежеквартальный журнал. М., 2005. Вып. 2. С. 181–194.

²² Пугачевщина. Т. 2. С. 199.

Лопухина. О поведение жен московских государей И. Е. Забелин писал, что они «проводят жизнь в своих покоях, в кругу благородных девиц и дам, так уединенно, что ни один мужчина, кроме слуг, не может ни видеть их, ни говорить с ними», «повседневные комнатные приемы у царицы, равно как у больших царевен, ограничивались, разумеется, только лицами женского пола или родственными, самыми близкими, свойственными людьми из мужчин»²³.

Таким же был повседневный «придворный» быт «императрицы» Устиньи Петровны. Из показаний отставного яицкого казака Петра Кузнецова (отец «императрицы»): «Ближняя при ней были: Михайла Толкачов с женою, фрейлинами были дочь яицкого казака Чреватина Марья, а другая – Парасковья Чапурина, да и кроме оных при ней находились множество, и все почитали ее царицею. О чем надобно было ей докладывать, то все, при ней бывшая, называли: “Ваше императорское величество! Как изволите приказать?” Однако ж она ни в какие главные дела не входила... и ничего другого не делала, как сидя во дворце, разговаривала с своими подругами»²⁴.

Впрочем, ход бунта, когда чаша весов попеременно клонилась то в одну, то в другую сторону, создавали высокий эмоциональный накал напряжения, выдерживать который становилось тяжело. Опасения и даже страхи брали свое. Устинья не хватало решимости участвовать в «монархической игре» до конца, «она, Устинья всегда почти сомневалась и находилась в слезах». Отсюда и нередкие горькие упреки «венценосному» супругу: «ты меня обманул и заел мою молодость» (ей было около 17 лет)²⁵.

По авторитетному суждению исследовательницы Исабель де Мадариаги, «Двор монарха был не просто частным жилищем государя. Он являлся центром, излучавшим традиции культуры на всю страну, куда только доходил этот свет»²⁶. Но эти наблюдения едва ли применимы ко двору названной «императрицы». На светскую львицу XVIII столетия она мало похожа, как и вся ее жизнь во «дворце». Там нет привычных для придворной суеты балов, нет маскарадов, шутов, карликов и карлиц и прочих развлечений, до которых так охочи были сиятельные дамы. Там царит суровая простота как предощущение неминуемого жизненного краха. Два с половиной месяца в высокой ипостаси обрекли Устинью на терновый венец. Арестованная 16 апреля 1774 г., она после следствия была послана в Кексгольм (Приозерск), где содержалась в заключении вместе с первой семьей Пугачева. 1803 годом датируются последние упоминания о ней.

Софья и Устинья: две жены Пугачева – виноватые без вины, по воле третьей супруги – Екатерины II, которая в этой запутанной брачной интриге оказалась победительницей.

²³ Забелин И. Е. Указ. соч. С. 138, 159.

²⁴ Пугачевщина. Т. 2. С.119.

²⁵ Там же. С.199.

²⁶ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 521.